

А. Н. Спаськов¹, О. А. Козина²

¹Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск,
Республика Беларусь

²Ульяновский государственный университет, Ульяновск, Российская Федерация

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ВРЕМЕНИ: «ВЕРТИКАЛЬНЫЙ СРЕЗ» РЕАЛЬНОСТИ¹

В статье анализируется логическое содержание понятия структуры времени и выявляется предельно абстрактная и инвариантная форма представления времени на основе метафизического принципа тождества бытия и мышления. Делается вывод о необходимости существования «вертикального среза» реальности, эквивалентного времениподобному измерению, соединяющему три автономных мира: вечное и трансцендентное единое, темпоральный мир субъективного и трансцендентального «я», и физический мир, детерминированный причинно-следственной связью. Такая синхронная структура, осуществляющая топологическую «склепку» трех миров, принципиально отличается от диахронной структуры объективного физического времени, но логически следует из анализа нашей интуиции и образного мышления, которые имеют нелинейный и спонтанный характер.

Ключевые слова: структура времени, темпоральность, метафизика, бытие, субстанция, спонтанность, квантовый мир, сознание.

A. N. Spaskov¹, O. A. Kozina²

¹Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Republic of Belarus

²Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russian Federation

THE METAPHYSICAL STRUCTURE OF TIME: “VERTICAL CUT” OF REALITY

The article analyzes the logical content of time structure. On the basis of the metaphysical principle of identity of being and reason we develop ultimately abstract and invariant form of time representation. The analysis reveals the necessity of the existence of “vertical cut” of reality which is equivalent to the temporal-like dimension, connecting three autonomous worlds: the eternal and transcendent unity, temporal world of subjective and transcendental “I”, and the physical world being determined by deterministic causality relations. Such a synchronous structure, which perform topological “merging” of these three worlds, is fundamentally different from the diachronic structure of the objective physical time. However it logically follows from the analysis of our intuition and iconic thinking, which have non-linear and spontaneous character.

Keywords: time structure, temporality, metaphysics, existence, substance, spontaneity, quantum world, consciousness.

¹ Работа выполнена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (договор № Г16Р-043 от 29.04.2016 и №Г16МС-020 от 20.05.2016).

Введение (постановка проблемы)

Время – это предельно абстрактная философская категория, и мы можем более или менее точно определить лишь его конкретные свойства (такие, например, как длительность, последовательность и др.). На этом пути лучше всего применять диалектический метод восхождения от абстрактного к конкретному и последовательно переходить от самого общего понятия времени ко все более содержательным его формам. Такое определение практически неограниченно, так как невозможно, пожалуй, исчерпать многообразие всех конкретных форм времени [1].

Но здесь возникает вопрос об исходном понятии времени, или максимально абстрактной идее, о которой мы можем сказать, что это понятие времени в самом общем и универсальном виде. Этого уровня абстракции можно достичь, лишь отвлекаясь от всякого конкретно научного содержания, полученного эмпирическим путем и в чувственном опыте. А это означает выход на метафизический уровень реальности, постигаемый в интуиции чистого умозрения.

Процесс восхождения от абстрактного к конкретному сам происходит в потоке времени нашего сознания, поэтому, когда мы пытаемся применить его к определению времени, возникает логический круг и неявно используется понятие, которое нужно определить. Но существует еще одна, пожалуй, самая фундаментальная логическая проблема: можно ли в понятии выразить сущность времени? Ведь понятие – это нечто статичное и вневременное, а время – это нечто текущее и ускользающее от понятийного определения. Отсюда все трудности логического выражения идеи времени и движения.

Ввиду обширности круга проблем, связанных с пониманием и представлением времени в естественнонаучных и гуманитарных дисциплинах, и необходимости интуитивной ясности в исходной идее, мы ограничимся анализом структуры времени в предельно абстрактном представлении. Это ограничение по конкретному содержанию преодолевает границы физического, биологического, психологического и других типов времени и выводит на высший метафизический уровень реальности, соответствующий философской категории времени.

Определив область нашего исследования, мы должны также предварительно прояснить и его методологию. Понятно, что характер поставленной нами задачи предполагает философские и логические методы ее решения. Но эти «правила для руководства ума» сами по себе уже имеют темпоральную структуру, которая является предметом нашего исследования. В самом деле мышление, выражаясь языком Канта, основано на некоторых априорных формах, к каковым относится внутреннее созерцание времени [2]. Трансцендентальная схема, основанная на неявно заданной темпоральной структуре, является, таким образом, необходимым условием всякого познания, а значит, и познания структуры времени.

Получается логический круг, который указывает на ограниченность формально-логического метода исследования времени. Таким образом, помимо

общих логических методов, к каковым относятся анализ и синтез, индукция и дедукция, мы намерены также апробировать некоторую «темпоральную логику», которая в большей степени соответствует духу научного творчества и не редуцируется к формализации и алгоритмизации.

Мы полагаем, что анализ объективного содержания понятия структуры времени наряду с одновременным, если можно так выразиться о единстве двух времен, или, вернее, параллельным анализом темпоральной структуры мышления о времени, поможет лучше прояснить целостную структуру времени и прийти к некоторому согласию и синтезу темпоральных представлений.

Помимо этого, мы отходим от традиционной схемы исторического и логического методов исследования проблемы. Вернее, мы не будем придерживаться строго линейной методологии исторического и логического исследования, но будем активно использовать и репрезентировать исторический материал на основе нелинейной логики.

Ключом к пониманию обозначенной нами темпоральной логики является процесс активного взаимодействия познающего субъекта и познаваемого объекта, которое само по себе имеет темпоральную структуру. По крайней мере здесь виден отход от классического идеала объективности познания и линейного метода чистой дедукции или чистой индукции.

Активное взаимодействие или акт познания означает также выделенность настоящего времени из представлений о некоем «общем» времени. Выделенность настоящего означает, в свою очередь, с одной стороны – сосредоточенность на круге проблем, актуальных в данный момент исторического времени, а с другой стороны – актуализацию как прошлого времени в виде репрезентации накопленного ранее позитивного знания и активизации нерешенных еще проблем, так и будущего времени в виде позитивных программ, перспективных оценок и телеологических ориентиров.

Перейдем теперь к логическому анализу понятия структуры времени. Прежде всего, выясним, следующие вопросы:

Что такое структура?

Что такое время?

Какова структура времени?

Метафизическая структура времени: принцип устойчивости изменений

Понятие структуры, согласно Советскому энциклопедическому словарю, означает «совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих его целостность и тождественность самому себе, то есть сохранение основных свойств при различии внешних и внутренних изменений» [3, с. 1283].

Очевидно, что в этом определении уже неявно содержится понятие времени, парадоксальность которого как раз и заключается в единстве устойчивости (пребывание, длительность) и изменчивости (становление).

Ведь пребывание вещи в устойчивом состоянии характеризуется длительностью существования, которая является пространственным представлением времени или временной протяженностью. Но такое статическое представление времени возможно лишь в соотношении с изменчивостью, которая и является, собственно говоря, истинной сущностью времени. Невозможно ввести критерий различия тождественных состояний одного и того же объекта, не сравнивая их с изменениями. То есть неизменность (тождественность моментов по отношению друг к другу во временной протяженности) мы можем представить лишь на фоне изменчивости, определяющей нетождественность этих моментов по отношению к целостной длительности или их положение во временном ряду (порядок) тождественных состояний.

Но изменчивость означает нарушение себестождественного бытия, или разрыв временных связей, а значит, и временной структуры. Поэтому, если мы связываем время с изменчивостью, то должны выяснить, имеет ли вообще смысл понятие структуры времени, так как в этом случае мы говорим об «устойчивости (неизменности) изменчивости».

Заметим, что мы не говорим об изменчивости неизменности или неустойчивости устойчивости, так как в такой логической связке два понятия взаимно исключают друг друга и их единство логически недопустимо. Ведь если неизменность изменяется, то она перестает быть неизменностью (себестождественностью и повторяемостью), так как изменчивость вносит в мир неповторимость, уникальность, единичность.

Но если мы поменяем порядок следования понятий, то получим неизменность изменчивости. А это означает, что при любых допустимых изменениях сам процесс изменения остается неизменным (повторяемым, инвариантным). Таким образом, изменчивость – это активное свойство процесса становления по отношению к становящемуся, а неизменность – это пассивное и имманентное свойство самого становления, сохраняющего его как инвариант любого активного действия.

Вот здесь мы и выходим на предельно абстрактный уровень логического анализа и обнаруживаем субстанциальное основание понятия времени. Истинное начало времени по своей сущности должно быть чем-то вневременным и абсолютно неизменным. А это и есть негативное определение субстанции как логического основания и источника всякого изменения. Ведь если мы говорим о природе и причине изменений в мире и видим их во времени, то возникает вопрос о природе самого времени, что логически приводит к понятию субстанции как генератора изменений, а значит, и источника времени.

То же можно сказать и о мышлении, которое хотя и происходит во времени, но возможно благодаря имманентной активности нашего «я», имеющего субстанциальную природу. Именно эта способность нашего мышления прерывать естественный ход времени и свободно оперировать в модусах прошлого, настоящего и будущего времени благодаря памяти, вниманию и воображению и выделяет нас из непрерывного потока детерминированного физического времени.

Наше «я» как самождественная и неизменная сущность является первоначальным источником нашего субъективного времени, которое хотя и подвержено влиянию внешнего объективного времени, но обладает также внутренней свободой и волеизъявлением. Благодаря такой свободе и субстанциальной активности мы в свою очередь можем вмешиваться в мировые процессы, а значит, и влиять на ход мирового времени.

Для того чтобы провести анализ структуры времени, мы должны определить понятие времени, то есть выделить его в качестве объекта нашего рассуждения. Но определение и является той логической структурой, выраженной в единстве и взаимосвязи понятий, которую мы намерены анализировать. Здесь возможны два пути – от общего к частному и от частного к общему.

В первом случае интуитивную идею времени мы должны иметь до всякого логического определения как некий исходный мыслеобраз. Во втором случае определение эквивалентно анализу структуры, в результате которого необходимо выявить основные свойства времени, характеризующие его целостность и самождественность, а также устойчивые связи, обеспечивающие их сохранение при любых внутренних и внешних изменениях.

Что же такое время?

Согласно тому же Советскому энциклопедическому словарю, время – это «форма последовательной смены явлений и состояний материи (характеризует длительность их бытия)» [3, с. 1071].

В философском словаре время определяется как «атрибут, всеобщая форма бытия материи, выражающая длительность бытия и последовательность смены состояний всех материальных систем и процессов в мире» [4, с. 94].

Физический словарь дает следующее определение: время – это «основная форма существования материи, выражающая порядок смены явлений» [5, с. 592].

В самом общем виде время – это длительность и последовательность, между тем как понятие пространства выражает собой структурность и протяженность.

Таким образом, данные определения сходятся в одном: время – это всеобщая форма бытия материи, а его основными свойствами являются длительность бытия и последовательность смены состояний всех материальных систем и процессов.

Умопостигаемое время:

«вертикальный срез» реальности как единое настоящее

Мы начинаем с предельно абстрактного определения, полученного на пути индукции, согласно которому время – это длительность бытия. Здесь: время тождественно бытию. Понятие «быть» означает, прежде всего, быть во времени. Но ведь и «не быть» означает не быть во времени. Здесь два противоположных понятия мыслятся по отношению ко времени. Во времени можно и быть и не быть.

Но означает ли это, что время – это нечто общее для бытия и небытия? Ведь если во времени можно и быть и не быть, то время, во-первых, не зависит от того, есть ли в нем что-нибудь или нет. И, во-вторых, при таком пони-

мании время мыслится как некое внешнее условие для бытия и небытия или как некое вместилище для бытия и небытия («во времени» – значит в чем-то внешнем). Ведь именно этот смысл вкладывается в определение времени как всеобщей формы бытия материи.

Пока лишь мы можем утверждать, что как бытие, так и небытие мыслится во времени. Это означает, с одной стороны, что время – это предельно фундаментальная онтологическая категория, а с другой – то, что логический объем понятия времени чрезвычайно широк и включает в сферу своего действия понятия бытия и небытия. Но будет ли этот объем всеобъемлющим? Иначе говоря, можем ли мыслить бытие и небытие вне времени?

Что касается небытия, то формально оно, пожалуй, в равной степени может мыслиться как во времени, так и вне времени. Ведь небытие абсолютно индифферентно ко всему, а значит, и ко времени. Но мы никак не сможем содержательно мыслить о небытии, разве только в отношении отсутствия мысли о бытии. Парменид первым сказал, что бытие есть, а небытия нет, так как мы не можем его мыслить.

Отсюда следует его знаменитый метафизический принцип тождества бытия и мышления. Но отсюда же следует и отрицание реальности времени как такового. Бытие можно мыслить как нечто Единое и вечное. Причем вечность – это неизменное бытие, но совсем не бесконечная длительность, как это понимают в обыденном мнении. Время – это иллюзия наших чувств и порождение ложных мнений. Истина же находится в вечном умопостигаемом Едином.

Именно это противопоставление времени и вечности Парменидом явилось узловым моментом в развитии представлений о времени. Собственно говоря, такое метафизическое представление времени как понятия, имеющего основание в вечности, и дает нам исторически первое и логически предельно абстрактное представление о структуре времени.

С именем Парменида связывают также господствующее в современной физике представление об инвариантах как сохраняющихся во времени и не подверженных никаким изменениям физических величинах. Ведь это сохранение было бы невозможно без фундаментального основания бытия в инвариантной форме настоящего времени.

Следует отметить, что понятие «быть», которое используется чаще всего в качестве логической связки, отличается от понятия «бытие». Если «бытие» – это предельно абстрактное существительное, которое выражает и неизменное сущее, и самотождественное и инертное существование, то «быть» – это глагол, выражающий субстанциональную активность. Если бытие – это предельно абстрактное, пассивное и безотносительное к чему-либо внешнее условие существования, то быть – это активное, имманентно присущее чему-либо или кому-либо внутреннее свойство. Вспомним знаменитое гамлетовское: «Быть или не быть – вот в чем вопрос!»

То есть быть – это не просто длиться по инерции (пробывать), а постоянно поддерживать свое существование. Это – антиэнтропийная сила, противостоящая разрушительному действию времени. Природа этой силы неизвестна современной науке, но именно в контексте такого понимания устройства Вселенной и имеет смысл ньютоновское понятие Абсолютного времени как «чувствилица» Бога, не зависимо от материального мира.

Таким образом, согласно Пармениду, истинную природу времени, в отличие от его иллюзорного чувственного образа, можно постигнуть в мышлении о Едином: «Не возникает оно и не подвержено смерти. Цельное все без конца, не движется и однородно. Не было в прошлом, не будет, но все в настоящем. Без перерыва одно» [6, с. 10].

Можно сказать, что настоящее и есть истинная структура времени, так как это инвариант на фоне изменяющегося прошлого и будущего. Парменид понимал настоящее как статический инвариант, подобный вечности. Такое понимание является предпосылкой статической концепции времени, согласно которой прошлое, настоящее и будущее равноценны и одновременны в мышлении, а значит, и в истинном бытии, а их разновременность – это лишь иллюзия нашего чувственного восприятия бытия. Между тем у Гераклита настоящее – также исходное понятие, но уже как становление, которое имеет смысл динамического инварианта, воспроизводящего вечное исчезновение и возникновение бытия.

В учении Парменида можно выделить следующие основополагающие идеи.

Первое утверждение: основанием всего сущего является Единое, которое обладает истинным бытием, не рождается и не исчезает, а существует целиком в вечном настоящем. Здесь, по всей видимости, речь идет о неизменной субстанции всего сущего.

Второй тезис Парменида – Единое можно постигнуть лишь умом. Постигание умом какой-либо вещи означает некое мысленное представление вещи или, другими словами, восприятие мыслеобраза, схватывание идеи-эйдоса этой вещи. Само по себе это умопостижение происходит мгновенно, как установление тождества бытия и мышления в интуитивном прозрении и более соответствует учению Платона, который сравнивал состояние души, привязанной к телу с состоянием узника, прикованного цепями в пещере.

Сам процесс познания как восприятие идей-эйдосов выглядит по Платону как припоминание душой тех идей, которыми она обладала до воплощения на Земле, пребывая в вечном мире идей. Причем этот процесс припоминания происходит в режиме реального времени, то есть предполагает последовательный мыслительный процесс. Этот процесс имеет форму диалога (внешнего и персонифицированного, как в диалогах Сократа, или внутреннего при размышлениях).

Но сам диалог является лишь средством умопостижения (метод наведения – майевтика). В нем используется индуктивный метод движения от част-

ных мнений к общим идеям. Этот индуктивный метод сам по себе не дает истинного знания, а является лишь подготовительным этапом познания. Истинное познание возможно на основе диалектического метода мышления, включающего в себя метод раздвоения единого, противопоставление, сравнение и синтез противоположных понятий в новом общем понятии, выражающем новую, более высокую степень единства. Но сам этот синтез происходит не как механическое соединение противоположных частей, а как вневременное умопостижение целостного единства, органически включающего в себя противоположные понятия и открывающего новый, не содержащийся первоначально в этих понятиях смысл.

Сам Парменид, однако, был философом-мистиком и говорил в своей поэме «О природе», по всей видимости, о мистическом способе познания (а конкретно – о своем опыте такого познания), когда душа выходит из тела в экстатическое состояние. В этом случае физическое тело человека остается во власти времени, а душа проникает в вечный умопостигаемый мир Единого.

В любом случае оба эти метода (майевтика Сократа или экстатическое проникновение Парменида) ведут к одной цели – постижению вечного мира идей.

Третье, что утверждал Парменид – это иллюзорность чувственно познаваемого мира и следующую отсюда противоречивость и ложность мнений об этом мире. Иллюзорность можно понимать как некоторую хаотическую и случайную смену чувственных впечатлений и соответствующих им умственных представлений или мнений. Эта калейдоскопическая смена чувственных впечатлений и мысленных образов, происходящая к тому же на некотором неопределенном фоне ощущений и случайных мыслей, и создает иллюзию течения времени.

Казалось бы, что если умом мы постигаем истинное и вечное бытие, то чувствами мы воспринимаем обманчивое и временное. Но на самом деле чувствами мы можем постичнуть лишь настоящее, и в ощущениях нам дано только настоящее.

Получается, что как в умственном, так и в чувственном познании мы постигаем лишь настоящее. Но где же тогда прошлое и будущее? Что это – иллюзия наших чувств или заблуждение нашего ума? Какой смысл имеют эти понятия?

Все же в умственно постигаемом и чувственно воспринимаемом настоящем есть различие. В первом случае, как это представлял Парменид, речь идет о вечности как о целокупном настоящем, для которого не имеют смысла понятия прошлого и будущего.

Эти понятия приобретают смысл в изменяющемся мире, когда нечто, чувственно воспринимаемое, возникает и исчезает. Прошлое и будущее – это модусы мышления об исчезнувших и возникших вещах и состояниях.

То же самое исчезновение и возникновение происходит и в мыслях, когда одни из них вытесняют другие. Это связано с ограниченным объемом нашей оперативной памяти. В этом случае вытеснение – это забвение и замещение,

постоянно пополняемое из некоторого неограниченного резервуара потенциальных возможностей. А. М. Анисов, например, называет такие системы (компьютеры, человеческий мозг) универсумами с ограниченными ресурсами (сокращенно – УОР). Исходя из такой фундаментальной роли процессов забвения и пополнения, этот ученый представляет динамическую модель мира в виде вычислительного процесса, и предлагает вместо геометрического образа определение времени как ресурсной системы [7, 8].

Но существует ли прошлое и будущее в реальности? Существуют ли некие физические (а не только ментальные, идеальные) связи, простирающиеся в прошлое и будущее в некоей временной протяженности, имеющей субстанциональную (то есть неуничтожимую) природу?

Этот вопрос, пожалуй, самый трудный. Если в умственном постижении прошлого и будущего как некоторого состояния вещей мы не сомневаемся, то физическая реальность самого прошлого и будущего, вне зависимости от каких-либо вещей, вызывает возражение. Ведь никакими физическими приборами мы не можем зарегистрировать и измерить эту реальность, если она существует, а если и можем ее познать, то как некую умопостигаемую сущность.

Но если мы не можем установить физическую реальность прошлого и будущего, то, может быть, мы сможем установить реальность физических связей с прошлым и будущим? Этот вопрос почти не разработан в физике, хотя и имеет, как мы полагаем, веские философские основания и открывает возможность более глубокого проникновения в сущность явлений.

Таким образом, из представлений Парменида мы извлекаем следующий метафизический образ времени. Есть только одно истинное бытие – это вечное Единое. Оно не подвержено никаким воздействиям и изменениям, не зависит ни от чего, в том числе и от нашего сознания, то есть только оно одно обладает объективной реальностью. Но эта реальность недоступна никаким человеческим чувствам и физическим измерениям.

Однако человек благодаря своим умственным способностям может проникнуть в эту реальность в мистическом опыте или в интуитивном прозрении. В этом умственном постижении человек схватывает вечное как настоящее, но это умственно постигаемое настоящее не имеет никакой связи с прошлым и будущим. Эта связь возникает лишь в чувственном восприятии мира, как исчезновение и возникновение вещей.

Умственно постигаемое настоящее – это некий канал, посредством которого воспринимается образ вечности. Нельзя сказать даже, что это временной канал, посредством которого осуществляется синхронизация времени нашего мира и вечности, так как вечность нельзя характеризовать как одновременность или разновременность, а только как абсолютную единовременность.

Это настоящее, а тем более вечность, – еще не время. Поэтому о них нельзя сказать как о временных измерениях. Но все же о них можно говорить как о времениподобных измерениях, в том смысле, в котором высказывался Платон,

когда говорил о времени как некотором подобии вечности. Он пишет, что Бог «замыслил сотворить некое движущееся подобие вечности» и создал «для вечности, пребывающей в едином, вечный же образ, движущийся от числа к числу, который мы назвали временем» [9, с. 37].

Таким образом, вечность можно представить как некое времениподобное измерение, так как время – это «подобный образ вечности». Вернее было бы даже сказать не об измерении, а о некоем подобии измерения, так как в вечности нет никаких метрических связей и метрической протяженности. Это измерение можно понимать лишь в топологическом смысле: как топологически связанное множество моментов настоящего, которые не существуют отдельно, а только в нераздельном настоящем Единого.

Что касается времениподобного «канала», посредством которого вечность постигается умом как настоящее, то его можно представить в виде топологической «склейки» внутреннего нераздельного настоящего души и умственно постигаемого Единого. Таким образом, вечное Единое и умственно постигаемое настоящее можно определить как времениподобное, топологически связанное множество нераздельных моментов настоящего.

Такой же топологической структурой времениподобного Единого обладает, по всей видимости, и душа как некая целостная субстанция, поддерживающая и воспроизводящая в каждый момент изменчивого внешнего времени идентичность личности и самотождественность сознания.

Таким образом, мы можем построить следующую метафизическую модель времени:

- 1) внутреннее настоящее души как некая субстанциональная основа самоидентификации личности;
- 2) внешнее вечное Единое как некое трансцендентное бытие;
- 3) и времениподобный «канал», посредством которого осуществляется «склейка» внутреннего настоящего и трансцендентного вечного в умопостигаемом настоящем.

Такова в общих чертах метафизическая структура времени, которая остается инвариантной при любых внешних и внутренних изменениях. Таким образом, предельно абстрактным логическим и метафизическим инвариантом, неявно содержащемся в любом представлении времени, является именно настоящее, которое подобно вечности и посредством которого осуществляется связь души с трансцендентным Единым. В этой структуре, которую можно назвать первичной трансцендентальной схемой сознания, уже можно выделить триединство времени как единство внутреннего темпорального состояния души, трансцендентного вечного Единого и настоящего акта умопостижения трансцендентной реальности, благодаря которому возникает феномен актуальной реальности.

Возможно, что эта тройственность вечно пребывающего настоящего, умопостигаемого нами в виде некоего вертикального «среза» текущего настоя-

щего, является предпосылкой горизонтальной развертки этой тройственности в линейное единство прошлого, настоящего и будущего, также умопостигаемого. Здесь уже выражена диалектическая двойственность времени, которую наиболее ярко выразил Гераклит в образе вечно текущей и вечно пребывающей в своих берегах реки.

Таким образом, душа одной своей стороной обращена в трансцендентный умопостигаемый мир, а другой – во внешний чувственно воспринимаемый мир. В душе осуществляется связь трансцендентной вечности, внутреннего времени души и внешнего времени материального мира.

Парменида по праву называют основоположником статической концепции мира, которая имеет древние корни в мифологических представлениях о вневременном бытии [10]. Возможно, что неразвитость временных представлений в древних культурах, так же как и в восприятии детей, которую отмечают многие исследователи, связана в какой-то степени с преобладанием мистического способа постижения реальности над внешним чувственным опытом, чего лишена наша рационалистическая цивилизация.

Вместо заключения: метафизика единства и гипотеза квантовой природы сознания

Нетрудно заметить, что выявленная нами метафизическая структура времени основана на своеобразном триединстве физического, субъективного и трансцендентного миров. Причем каждый из этих миров относительно автономен и не редуцируем друг к другу.

Это означает, что субъективное человеческое «я», или, если угодно, душа, имеет субстанциональную природу, отличную от материальной природы тела, подверженной физическому и биологическому детерминизму. Однако душа, так же как и тело не самодостаточны и нуждаются в трансцендентной силе, поддерживающей их существование.

Итак, первое, что мы признаем, – это субстанциальную природу нашего субъективного «я». Второе, по отношению к нам, но первое по отношению к природе вещей – это то, что мы являемся в объективный мир как образ и подобие Абсолютного субъекта, или безначальной и единой субстанции. И третье, которое логически следует из первых двух, – это существование объективного мира.

Подразумеваемая нами метафизическая картина мира является, таким образом, предпосылкой метафизического образа времени в виде «вертикального среза» реальности. Такая структура принципиально отличается от структуры объективного физического времени, детерминированного причинно-следственной связью, но логически следует из анализа нашей интуиции и образного мышления, которые имеют нелинейный и спонтанный характер.

Следует отметить, что такая структура вертикальной связи имплицитно присутствует и в метафизической схеме Ньютона, на которой он основывал свою механистическую картину мира. Согласно этой схеме, все материальные процессы разыгрываются на сцене Абсолютного пространства и времени, а Бог, управляющий этими процессами, незримо присутствует за сценой, то есть вне пространства и времени. Пространство и время являются, таким образом, своего рода абсолютными вместилищами всех вещей и событий, но сами по себе они не зависят от материального мира.

В представлении И. Ньютона Абсолютное пространство и время – это сенсориум, или «чувствилище», Бога, посредством которого он воспринимает информацию о мире и обратно воздействует на него. То есть, по сути, Абсолютное пространство и время – это посредник между Богом и материальным миром, благодаря которому осуществляется обратная связь.

Таким образом, метафизическая парадигма Ньютона основана на трех сущностях, которые, впрочем, не равноценны, а иерархически упорядочены. Это – Бог, материальный мир, сотворенный Богом, и Абсолютное пространство и время, посредством которых Бог осуществляет обратную связь с миром и управляет им.

Эта связь, однако, отличается от причинно-следственной связи и происходит мгновенно. Таким образом, вмешательство Бога в мировое течение времени не предполагает какой-то длительности, а это и говорит в пользу того, что Ньютон неявно подразумевал такую вертикальную связь с высшей реальностью. Эта метафизическая схема является, пожалуй, наиболее общим архетипом религиозной картины мира и прообразом любой кибернетической и синергетической системы.

Дальнейшее развитие механики в духе Лапласа полностью устраняло Бога от участия в мировых процессах, а вместе с ним устраняло и саму возможность вертикального измерения времени, сводя темпоральную реальность к одномерному представлению, а время – к математическому числовому параметру, измеряемому часами.

Но уже в квантовой механике эта связь возрождается вновь в виде спонтанности и индетерминизма, природа которых необъяснима в рамках классической парадигмы. Возможно, что радикальное изменение представлений о структуре времени приблизит нас к пониманию темпорологической структуры мышления, квантовой механики и, особенно, природы нелокальных связей.

Ведь помимо внешней информации о вещах, данной нам в физических явлениях, в мозг поступает также некоторая внутренняя информация, воспринимаемая интуитивно. Природу этой информации, так же как и природу интуиции, мы не знаем, но единственный канал, обладающий подобными свойствами и который известен современной науке, лежит на квантовом уровне.

не. Многие ученые считают, что квантовый мир как раз и является тем связующим мостом между материей и сознанием [11].

То, что мы называем вертикальным срезом реальности, можно понимать и как метафору, и как математическое представление независимого временного измерения, которое выходит за пределы чисто физического мира, но вписывается в картину психофизического параллелизма. Это представление вполне согласуется с концепцией синхроничности К.-Г. Юнга и В. Паули, согласно которой смысловые связи между событиями выступают как дополнение к причинным связям [12].

Список использованных источников

1. Канке, В. А. Формы времени : учеб. / В. А. Канке. – Томск : Изд-во Томск. гос. ун-та, 1984. – 224 с.
2. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант. СПб. : Тайм-аут, 1993. – 478 с.
3. Советский энциклопедический словарь / науч.-ред. совет: А. М. Прохоров (предс.) [и др.]. – 4-е изд. – М. : Сов. энцикл., 1988. – 1600 с.
4. Философский энциклопедический словарь / гл. редакция: Л. Ф. Ильичев [и др.]. – М. : Сов. энцикл., 1983. – 840 с.
5. Физический энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров ; редкол.: Д. А. Алексеев [и др.]. – М. : Сов. энцикл., 1984. – 945 с.
6. Молчанов, Ю. Б. Четыре концепции времени в философии и физике / Ю. Б. Молчанов. – М. : Наука, 1977. – 192 с.
7. Анисов, А. М. Время и компьютер: Негеометрический образ времени / А. М. Анисов. – М. : Наука, 1991. – 152 с.
8. Анисов, А. М. Время как вычислительный процесс / А. М. Анисов // Замысел Бога в теориях физики и космологии. Время. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. – С. 53–71.
9. Платон. Тимей / Платон // Сочинения : в 3 т. / Платон. – М. : Мысль, 1971. – Т. 3, ч. 1. – С. 455–541.
10. Бестужев-Лада, И. В. Развитие представлений о будущем: первые шаги (Презентализм первобытного мышления) / И. В. Бестужев-Лада // Сов. этнография. – 1968. – № 5. – С. 123–133.
11. Менский, М. Б. Интуиция и квантовый подход к теории сознания / М. Б. Менский // Вопросы философии. – 2015. – № 4. – С. 48–57.
12. Юнг, К. Г. Синхроничность: акаузальный объединяющий принцип / К. Г. Юнг // Синхроничность / К. Г. Юнг. М. : Рефл-бук ; Киев : Ваклер, 1997. – С. 195–307.